

Сергей Абдалов

**Эхо
мёртвого
города**

18+

Сергей Абдалов
Эхо мёртвого города

«Автор»

2026

Абдалов С.

Эхо мёртвого города / С. Абдалов — «Автор», 2026

Садись поудобнее, налей себе чего-нибудь покрепче (я предпочитаю черный кофе, но в штате Монт в это время года виски с колой согревает лучше) и послушай историю. Это будет длинная ночь. Мы начнем не с крика, а с тишины. С той самой тишины, которая пугает больше любого монстра. Потому что монстра можно увидеть. А тишину — только почувствовать, как она давит на барабанные перепонки, пытаюсь пролезть внутрь черепа...

Содержание

Эхо мёртвого города	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эхо мёртвого города

Эхо мёртвого города

Джек Картер ненавидел утро понедельника. Это была не просто неприязнь, а глубокое, почти физиологическое отвращение, похожее на ту тошноту, что скручивает желудок при виде протухшего мяса — густую, влажную вонь гниения, которую невозможно выветрить из памяти. Но еще больше он ненавидел утро понедельника в баре «Медная жила», когда ему приходилось надевать этот проклятый, провонявший пролитым пивом и отчаянием фартук и становиться барменом вместо того, чтобы сидеть в своей звуконепроницаемой студии и крутить ручки эквалайзера, выжимая из мертвого пластика и проводов живую, пульсирующую музыку.

Его правое ухо, то самое, что он повредил четыре года назад в канун Рождества (чертова петарда этого сопляка Томми Рида, этот оглушительный хлопок, который отнял у него не просто работу, а саму суть его существования), сегодня вело себя особенно паршиво. В нем поселился тонкий, сверлящий писк. Это был не просто комариный зуд. Этот комар был размером с кулак и сидел прямо в голове, прогрызая себе путь сквозь серое вещество к какому-то жизненно важному центру, отвечающему за здравый рассудок. Джек привычным жестом похлопал по карману старой джинсовой куртки. Там лежал его спасательный круг — потрепанный кассетный плеер «Sony Walkman».

На кассете была записана одна-единственная вещь: сорокаминутный трек белого шума. Он не помнил, где скачал его — кажется, какой-то полумертвый аудиофильский форум для таких же бедолаг с тиннитусом. Но эта запись была единственным, что могло заглушить этот проклятый писк, создав звуковую завесу, за которой можно было спрятаться от самого себя.

Он толкнул тяжелую дверь бара. Внутри царил густой сумрак и запах вчерашнего перегара, смешанный с ароматом дешевого освежителя воздуха, пытавшегося замаскировать поражение. За стойкой уже суетился Ронни, хозяин бара, старый хрыч, чьи руки тряслись так сильно, что казалось, будто он пытается дирижировать мышинным оркестром.

— Ну наконец-то! — проскрипел Ронни беззвучно, одними губами. Его голосовые связки, как и всё вокруг, были мертвы. — Я тут один с этой чертовщиной!

Джек лишь устало кивнул. Он прошел мимо ряда высоких стульев, обтянутых потрескавшимся красным винилом, и бросил сумку под стол. Взгляд упал на пыльные бутылки на зеркальной полке. Они стояли там молчаливыми стражами, храня в себе пойло, которое люди использовали, чтобы убежать от тишины. Какая злая ирония.

Ронни поставил перед ним чашку с кофе. Пар от неё не шел. Джек взял её, чувствуя тепло керамики, но ритуальный утренний плоток потерял всякий смысл. Кофе без звука шипения молока, без бульканья кофемашины — это просто горькая теплая вода.

Писк в ухе усилился, словно реагируя на окружающую пустоту. Джек понял, что если сейчас же не включит свой Walkman, то сойдет с ума. Пальцы нащупали прохладный пластик плеера. Одно нажатие кнопки... и мир наполнился ровным, успокаивающим шипением статики. Спасение. Всего на сорок минут.

Он посмотрел на Ронни, который отчаянно жестикулировал, изображая взрыв и падение неба. Джек усмехнулся уголком рта. Старый дурак думал, что конец света наступил только потому, что пропал звук. Если бы он знал... Для Джека Картера тишина пришла гораздо

раньше. Как незванная тёща приехавшая в гости вечером в пятницу, навсегда тишина поселилась в его черепе, в ту самую ночь, когда умерла Марта.

Эта внешняя, ватная тишина города была всего лишь жалким отражением той абсолютной, звенящей пустоты, которая жила внутри него все эти годы. И теперь, похоже, эта внутренняя пустота нашла способ вырваться наружу.

Он сделал вид, что протирает стойку, наблюдая за улицей через грязное окно. Город просыпался в неестественной, жуткой пантомиме. Люди выходили из домов, их лица были масками чистого животного ужаса. Они открывали рты в крике, но с тем же успехом могли пытаться докричаться до луны. Где-то вдаль Джек увидел машину миссис Хендерсон, стоящую посреди дороги. Почтальонка била кулаком по гудку, её лицо побагровело от натуги. Гудок молчал. Мир превратился в немой фильм ужасов, снятый сумасшедшим режиссером.

И сквозь шипение белого шума в наушниках, сквозь писк поврежденного нерва, Джек начал слышать другой, никак не относящийся к этому помещению звук. Сначала тихий, едва различимый ритм глубоко внизу, под фундаментом города.

Клак-клак-клак.

Звук кирки, вгрызающейся в породу.

Мир снаружи сошел с ума. А звуки из-под земли становились всё громче.

— Эй, Джек! — крик Ронни, владельца бара и по совместительству местного сплетника, ударил по барабанным перепонкам... или нет? Джек моргнул. Он действительно выпал из реальности на секунду, провалился в эту звенящую пустоту. Он посмотрел на Ронни. Губы старика шевелились, но звука не было. Совсем.

— Ронни? — собственный голос показался Джеку чужим, гулким, как будто он говорил в пустую бочку. Он сглотнул. В горле пересохло.

Ронни продолжал открывать и закрывать рот, как рыба, выброшенная на берег. Он постукивал костяшками пальцев по дубовой стойке. Джек видел движение, видел вибрацию дерева, но не слышал ни единого звука. Ни треска. Ни стука.

Тишина обрушилась на него внезапно и окончательно. Это была не та уютная тишина зимнего леса или пустой библиотеки. Это была ватная, глухая пустота, которая физически давила на уши, словно на голову натянули плотный мешок из-под муки. Джек почувствовал, как у него закружилась голова.

Он сорвал с головы бейсболку с логотипом давно почившей радиостанции «WZED» и прижал ладонь к здоровому левому уху. Тишина. Он прижал ладонь к правому, поврежденному. Тишина.

«Этого не может быть», — подумал Джек. Паника ледяным комом начала расти где-то в районе солнечного сплетения, медленно расплываясь по венам.

В бар вошли двое: шериф Хэнк Мэлоун и его новый помощник, молодой парень по имени Билли. Хэнк что-то говорил Билли, активно жестикулируя своей ручишей размером с окорок. Джек видел, как шевелятся губы шерифа, но мир оставался нем как могила.

Джек схватил со стойки тяжелый стеклянный стакан и со всей силы грохнул им о металлическую мойку.

Ничего.

Ни звона разбитого стекла. Ни глухого удара металла о металл. Только вибрация прошла по руке до самого плеча, неприятно отдаваясь в кости.

— Что за хрень?! — заорал он во всю мощь легких.

Звук собственного крика Джек Картер ощутил не ушами, а лишь как слабую вибрацию воздуха во рту и тупое, натужное напряжение в пересохшем горле. Он был заперт внутри звуко-непроницаемой коробки — гроба из тишины, где каждый вдох казался оглушительным ревом, а собственное сердцебиение отдавалось ударами молота по наковальне.

Ронни, этот старый хрыч с лицом, похожим на сморщенное печеное яблоко, наконец заметил его состояние. Он перестал изображать выброшенную на берег рыбу, беззвучно разевая рот, словно пытаясь проглотить собственную челюсть. Его палец ткнул в сторону входной двери «Слепой Совы», а затем он провел ребром ладони по горлу — универсальный жест, понятный даже глухому: всё пропало. Джек кивнул. Он давно привык читать по губам; это было единственным способом выжить в мире, который внезапно онемел.

Он вышел из-за стойки бара, двигаясь так, будто каждая его нога была отлита из свинца. Негнущиеся конечности несли его прочь отсюда. Ему срочно нужен был воздух, который пах бы чем-то, кроме прокисшего пива и отчаяния. И ему нужен был его плеер. Тот самый старенький Walkman, верный спутник, чья механическая жизнь сейчас зависела от единственной оставшейся у него батарейки.

Картина снаружи оказалась еще более жуткой, заставив желудок Джека сжаться в ледяной комок. Главная улица Рэд-Хилл выглядела декорацией к дешевому фильму ужасов, съемочную площадку которого просто забыли выключить. Город застыл в немой панике. Джек видел машину почтальона миссис Хендерсон: она стояла посреди дороги с поднятым капотом, словно вспоротое брюхо мертвого животного. Сама миссис Хендерсон, женщина необъятных размеров, чьи руки напоминали окорока, была пудовым кулаком по гудку на руле. Гудок молчал. Ветер гнал по асфальту обрывок газеты. Джек видел, как газета шуршит и переворачивается, но этот звук был украден у мира какой-то неведомой, злой силой. Мир превратился в телевизор с выключенным звуком.

А потом он услышал это.

Сначала это был просто фоновый гул в поврежденном правом ухе, низкий, назойливый звон, который он поначалу принял за обострение тиннитуса из-за стресса. Но гул начал структурироваться, обретая форму и ритм.

Клак-клак-клак...

Это был ритмичный металлический стук. Звук кирки, методично вгрызающейся в неподатливую породу глубоко под землей. Звук монотонного, бесконечного труда, который должен был остаться похороненным навсегда.

Джек замер как вкопанный прямо посреди улицы, парализованный первобытным ужасом. Он медленно огляделся. Никого. Город был пуст в этот ранний час, если не считать нескольких фигур в окнах домов — они стояли неподвижно, прижимая ладони к стеклу, их рты были раскрыты в беззвучном крике.

Клак-клак-клак...

Звук шел откуда-то снизу. Из шахты? Шахта «Черная Гора» была закрыта уже лет сорок, опечатана бетонными плитами и ржавой колючей проволокой после того последнего обвала... или того, что власти назвали обвалом. Джек закрыл здоровое левое ухо ладонью, чтобы отсесть внешний мир и сосредоточиться на правом, на этом адском ритме.

Клак-клак-клак... Стук стал громче. Он пробивался сквозь слои бетона, вековую землю и скальную породу прямо в череп Джека, вибрируя в каждой косточке.

А затем к нему добавился другой звук. Плач ребенка. Тихий, надрывный плач младенца, которому холодно, голодно и страшно до одури. Этот звук вплелся в металлический лязг, создавая невыносимую какофонию.

Джек похолодел. Лили? Его дочь Лили сейчас должна быть в школе... или спит? Нет, сегодня понедельник! Плач был здесь. Прямо здесь, под землей вместе со стуком кирки. Он звучал из-под самого тротуара.

И третий звук. Голос женщины.

— Джек... — прошептал голос из ниоткуда. Голос был знакомым до боли в сердце, до физической рези в груди. — Джек... Помоги мне... Здесь так темно...

Это был голос Марты. Его покойной жены Марты. Она умерла три года назад от рака легких, оставив после себя лишь запах ее духов на подушке и эту звенящую пустоту в доме.

Джек отшатнулся и ударился спиной о фонарный столб. Боль была реальной — острой вспышкой между лопаток, пронзившей позвоночник. Это немного привело его в чувство.

«Это не реально», — прошептал он беззвучно сам себе, шевеля одними губами. — «Это просто мой мозг сходит с ума от тишины».

Но звуки не прекращались. Стук кирки сливался с детским плачем и тихим зовом мертвой жены в одну жуткую симфонию эха прошлого, призраков и забытого горя.

Из бара выскочил Ронни и схватил Джека за рукав куртки своей сухой, птичьей лапой. Он что-то кричал ему в лицо, брызжа слюной (Джек отчетливо видел, как блестят капли), но Джек не мог оторвать взгляд от тротуара под ногами. Ему казалось, что асфальт стал прозрачным, и если он посмотрит вниз, то увидит шахтеров в касках с лампами «Дэйви», которые смотрят на него снизу вверх из бездны вечной тишины. Их лица будут серыми от пыли, а глаза — черными провалами без дна.

Ронни встряхнул его за плечи так сильно, что клацнули зубы. Удар реальности оказался болезненным. Это вернуло Джека окончательно. Он оттолкнул старика и бросился бежать домой, спотыкаясь на ровном месте. Ему нужно было добраться до своего Walkman'a. Белый шум, шипение пустой кассеты должно заглушить эти голоса из-под земли.

Пока он бежал по пустынным улицам Рэд-Хилл, мимо людей, которые выходили из своих аккуратных домиков и в ужасе смотрели друг на друга открытыми ртами, как рыбы в аквариуме, он понял одну страшную вещь. Город не просто потерял звук.

Город начал «слышать» то, что слышать не должен был никогда. И это «что-то» поднималось наверх вместе с ритмичным стуком кирки: «клак-клак-клак». Оно поднималось, чтобы забрать свое.

Город начал «слышать» то, что слышать не должен был никогда. И это «что-то» поднималось наверх вместе с ритмичным стуком кирки: клак-клак-клак.

Штат Монт расположен на крайнем северо-востоке США, зажатый между канадской границей и холодным Атлантическим океаном. Это край густых, непроходимых лесов, где вековые ели смыкают свои кроны, не пропуская солнечный свет. Через штат протекает река Блэквотер — чёрная, ледяная даже в разгар лета, вода в которой никогда не замерзает до конца из-за каких-то странных подземных течений.

Столицей штата является унылый портовый город Хардбор, вечно окутанный холодным морским туманом. Его главная улица, Вязовая аллея, знаменита тем, что на ней никогда не опадает листва — даже зимой мёртвые, скрученные листья ржавого цвета цепляются за ветви, издавая сухой, тревожный шелест на ветру.

Официальная история Монт ничем не примечательна: основан в XVI веке рыбаками и лесорубами. Но местные старожилы знают правду. До прихода колонистов эти земли принад-

лежали вымершему племени Вендиго, чьё название переводится как «тот, кто пожирает». Они поклонялись не богам, а пустоте в лесу и шёпоту подо льдом.

В 1643 году группа мормонов-первопроходцев, спасаясь от гонений, основала в глубине лесов поселение «Новый Сион». Через год все его жители бесследно исчезли. Поисковый отряд нашёл деревню пустой: еда на столах, горящие очаги, но ни единой живой души. Только на дверях каждого дома был нацарапан один и тот же символ — спираль, уходящая вглубь дерева. Говорят, что земля в том месте до сих пор не родит, а любой дом, построенный там, сгорает дотла в течение года.

В наши дни штат живёт за счёт добычи гранита в карьерах у подножия горы Слэб-Маунтин. Гора представляет собой гигантское, почти вертикальное плато из серого камня. Местные шахтёры избегают глубоких штреков. Они рассказывают о «воздушных карманах», где нет кислорода, но есть звук — низкий гул, похожий на далёкое пение. А ещё о том, что в глубине камня иногда находят гладко отполированные залы с идеально круглыми колоннами, которые не могли быть созданы природой или человеком.

Главное проклятие Монт — это «Долгая ночь». Раз в несколько лет зима приходит внезапно и без предупреждения. Солнце скрывается за свинцовыми тучами на 40 дней и 40 ночей. В этот период граница между реальностью и чем-то иным истончается. В лесу пропадают люди (чаще всего те, кто услышал зов), а по ночам жители Хардбора видят в окнах своих домов мимолётные отражения незнакомцев или слышат, как кто-то методично скребётся изнутри стен.

Штат Монт — это место, где холод физический перерастает в холод экзистенциальный. Это земля, которая помнит старые клятвы и ждёт лишь повода, чтобы забрать своё.

А ещё в штате есть городок Рэд Хилл. Население: шесть с половиной тысяч душ, если верить последней переписи. Те, кто ещё способен держать ручку.

Официально город был основан в 1742 году, но земля здесь помнит времена куда более древние и тёмные. Первые поселенцы, пришедшие в эту долину, сгинули все до единого за одну зиму, оставив после себя лишь пустые хижины и странные, вычерченные углём на стенах знаки, которые не смог расшифровать ни один священник. Следующая волна колонистов, не вняв предостережениям, построила город на костях предшественников, и с тех пор Рэд-Хилл всегда был... нездоровым местом.

В 1923 году на лесопилке Сойера произошёл несчастный случай, после которого город накрыла волна необъяснимого безумия. Жители утверждали, что видели в тумане силуэты давно умерших родных, а дети перестали выходить на улицу после заката, шепча о «человеке из красной глины», что живёт в подвале старой церкви Святого Михаила. Церковь сгорела дотла в 1958-м, но фундамент так и не разобрали — слишком тяжёлым оказалось это место, словно сама земля не хотела отпускать то, что было погребено под алтарём.

В Рэд-Хилл самый высокий в штате процент пропавших без вести. Полицейские отчёты пестрят записями о «самовольном уходе в лес», но местные знают: лес не отдаёт то, что взял. Говорят, если прислушаться к ветру, завывающему в печных трубах старых домов на Мэйн-стрит, можно услышать шёпот. Он обещает ответы на все вопросы, но цена за это знание — рассудок.

Последним крупным событием в истории города стал так называемый «Дождь 87-го». В течение трёх дней с неба лилась не вода, а густая, маслянистая чёрная жижа. Она разъедала краску на автомобилях и оставляла на коже ожоги, похожие на древние руны. После этого дождя шестеро детей впали в кататонический ступор. Сейчас они сидят у окон больницы округа, смотрят в одну точку и улыбаются каждый раз, когда солнце садится за горизонт.

Дом Картера стоял на отшибе, на холме, с которого открывался вид на весь Рэд-Хилл. Или, точнее, на то, что от него осталось. Когда-то это было величественное викторианское строение, но время и бедность превратили его в скелет. Краска облупилась, ставни болтались

на одной петле, а крыльцо скрипело так, что Джек слышал этот скрип даже сквозь ватную тишину мира — он помнил его наизусть, этот звук въелся в мозг как ржавчина.

Он влетел в дом, захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, пытаясь пробить себе путь наружу звуком, но снаружи не доносилось ни единого шороха. Абсолютная, стерильная тишина. Она давила на глаза и заставляла зубы ныть.

«Это просто акустический шок», — попытался убедить он себя. Голос в голове прозвучал тонко и неуверительно. — «Как баротравма. Мозг пытается компенсировать потерю и выдает фантомные звуки».

Клак-клак-клак...

Звук кирки вернулся. Он шел не снаружи. Он шел из-под пола, из подвала. Джек сглотнул. В подвале у него была мастерская — старый стол, паяльник и горы хлама. И там же стояла стиральная машина, которая иногда гудела при отжиме так, что вибрировал весь дом.

«Это просто машина включилась», — подумал Джек и тут же понял абсурдность этой мысли. Машины не работают без электричества, а мир погрузился в тишину целиком.

Он метнулся в свою спальню — маленькую комнату с окном на задний двор, заваленную старыми катушками с пленкой и кассетами. Его Walkman лежал на тумбочке, рядом с пустой бутылкой из-под бурбона. Джек схватил плеер дрожащими руками, воткнул наушники в уши и нажал «Play».

Шипение. Ровное, успокаивающее шипение белого шума заполнило поврежденное правое ухо. Он выкрутил громкость на максимум. Писк тиннитуса начал растворяться в этом потоке.

Клак-клак-клак...

Стук пробился даже сквозь шум. Он был глубже. Он был реальнее. Джек сорвал наушники и швырнул плеер на кровать.

— Хватит! — заорал он пустой комнате. Его голос прозвучал жалко, глухо.

И тогда он услышал плач снова. Детский плач. Он доносился со второго этажа.

Джек замер. Лили была дома? Она заболела? В голове был туман похмелья и страха.

— Лили? — позвал он, поднимаясь по лестнице.

Ступеньки не скрипели под его весом — мир был лишён этого звука. Он шел по мягкому ковру тишины.

Дверь в её комнату была приоткрыта. Джек толкнул её ладонью.

Лили сидела на полу посреди комнаты, спиной к нему. Её наушники висели на шее. Она не слушала музыку — она просто смотрела в стену перед собой.

— Лили? Ты почему не в школе?

Она не ответила. Не вздрогнула.

Джек подошел ближе и тронул её за плечо. Она была ледяной на ощупь.

— Эй... Ты меня слышишь?

Она медленно повернула голову и посмотрела на него. Её глаза были пустыми, как два осколка мутного стекла. В них не было узнавания.

— Папа? — её губы шевельнулись беззвучно.

И тут Джек увидел это.

В углу комнаты, там, где обои отклеились от сырости, воздух начал стучаться. Он стал плотным, темным, как чернила в воде. Из этой черноты проступили контуры фигуры. Это был мужчина в шахтёрской каске с тусклым фонарем. Его лицо было скрыто в тени, но Джек видел его руки — они были сплошь покрыты шрамами и ожогами от кислоты, которой обрабатывали руду.

Шахтер поднял руку и указал пальцем прямо на Джека.

А затем фигура начала распадаться на части, словно старая киноплёнка под кислотой, оставляя после себя лишь запах озона и влажной глины.

Лили моргнула и взгляд её прояснился. Она посмотрела на отца с нескрываемым отвращением.

— Опять ты пьяный? От тебя несёт как из бочки.

Джек отшатнулся от неё так, будто она сама была призраком.

— Я.. я не пил сегодня... Лили, ты видела? Там... в углу...

— Что я должна была увидеть? Твои очередные глюки? — она встала и оттолкнула его плечом, выходя из комнаты. — Господи, какой же ты жалкий.

Её слова ударили сильнее любого призрака. Джек остался стоять посреди комнаты один.

Он посмотрел в угол. Там ничего не было. Только отклеившиеся обои.

Он спустился вниз, нашел в шкафу на кухне недопитую бутылку «Джим Бим» и сделал большой глоток прямо из горлышка. Обжигающая жидкость немного привела его в чувство.

«Она ничего не видела», — подумал он. — «Или не помнит».

Но он-то видел. И он слышал стук кирки прямо сейчас, словно кто-то долбил фундамент дома изнутри.

Джек подошел к окну кухни и выглянул во двор. Соседний дом миссис Грэхем был погружен в такую же тишину. Но вдруг он заметил движение в её подвальном окне.

Там зажегся свет — тусклый огонек керосиновой лампы или свечи. В окне мелькнула тень миссис Грэхем. А за её спиной... Джек прищурился... Там стояла еще одна тень. Высокая, сгорбленная фигура без лица.

Миссис Грэхем обернулась к этой фигуре и протянула к ней руки так, словно обнимала старого друга или... молила о пощаде?

Фигура обняла её в ответ.

А затем свет погас.

Джек отпрянул от окна так резко, что ударился бедром о край стола.

«Это не только у меня», — понял он с леденящим ужасом. — «Это происходит со всеми».

Тишина была лишь дверью. А теперь через эту дверь полезли гости из прошлого Рэд-Хилл.

Стук кирки под полом стал громче и ритмичнее. Теперь к нему добавился новый звук: тихий скрежет металла о металл, словно кто-то медленно проворачивал огромный ржавый вентиль глубоко под землей.

Джек посмотрел на свои руки. Они дрожали не от похмелья или страха перед призраками. Они дрожали от ярости и чувства вины.

Он вспомнил голос Марты из утреннего эха: «Помоги мне... Здесь так темно...».

И детский плач.

И стук кирки шахтеров, замурованных заживо сорок лет назад.

Они звали его не просто так.

Они звали того, кто может слышать эхо прошлого через сломанное ухо.

Они звали того, кто должен спуститься вниз и заплатить по счетам этого города.

Джек допил бутылку одним глотком и швырнул её в раковину. Стекло разлетелось вдребезги беззвучно.

Он знал одно: если эти твари доберутся до Лили по-настоящему...

Он этого не допустит.

Джек нашел её на заднем крыльце, и эта картина полоснула его по сердцу тупым ножом вины. Лили сидела на верхней ступеньке, обхватив острые коленки руками — она всегда так

делала, когда была совсем маленькой, только теперь в этой позе не было детской беззащитности, лишь горькая усталость взрослой женщины, которую жизнь заставила повзрослеть слишком рано. Она смотрела на мертвый лес за забором, деревья стояли черными скелетами на фоне свинцового неба, словно декорации к концу света. В одной руке она держала телефон — безжизненный черный кирпич, бесполезный кусок пластика и стекла. Её палец бессмысленно скользил по мертвому экрану. Связи не было. Ни интернета, ни сотовой сети. Мир отключился от розетки, и они остались одни в этом вакууме.

Джек замер в дверном проеме, чувствуя себя чужаком, незванным гостем на собственном пороге. Воздух между ними был плотным, наэлектризованным годами невысказанных упреков.

— Лили, — позвал он тихо, почти шепотом, который должен был утонуть в тишине, но почему-то прозвучал оглушительно.

Она даже не повернула головы.

— Что?

— Нам нужно поговорить.

Её смех был сухим, как треск ломающейся ветки.

— О чем? О том, как ты снова надрался и несешь чушь про призраков? Или о том, как ты сломал мне жизнь? Выбирай.

Её голос был ровным, холодным, отполированным до ледяного блеска. В нём не было слез, только многолетняя усталость и обида, копившаяся слоями, как геологические пласты. Джек сглотнул комок в горле, почувствовав вкус ржавчины и желчи.

— Это не чушь. И я не пил сегодня. То, что происходит... это реально.

Лили фыркнула, и этот звук показался ему невероятно громким. Наконец она посмотрела на него. В её взгляде читалось всё: презрение, жалость и глухая стена отчуждения, которую он сам, камень за камнем, построил между ними за эти годы после смерти Марты.

— Реально? Папа, ты же звукорежиссер. Ты должен понимать физику лучше меня. Звук не может просто исчезнуть из целого города. Это... это противоречит законам природы. Это невозможно.

— Я знаю, что это невозможно! — Джек повысил голос, но тут же осекся, вспомнив о ватной пустоте вокруг. Он подошел и сел на ступеньку ниже неё, намеренно принижая себя, чтобы не давить сверху вниз, хотя физически ощущал себя гигантом рядом с ней. — Но это случилось. И я... я слышу то, чего быть не должно.

— Галлюцинации? — саркастично подсказала она, возвращаясь взглядом к мёртвому телефону.

— Эхо, — твердо сказал он, глядя ей прямо в затылок. — Я слышу эхо прошлого. Стук кирок под домом. Плач ребенка. Голоса.

Лили закатила глаза, и этот жест был таким знакомым, что у Джека защемило сердце.

— Классика. Папа-алкоголик слышит голоса. Может, тебе стоит вернуться в клинику? Или сразу в психушку?

Слово «психушка» ударило его наотмашь, звонче любого крика. Он действительно лежал там, в стерильной палате с мягкими стенами, после того как гроб Марты опустили в землю. Но он выбрался оттуда чистым и трезвым уже полгода. И сейчас он был абсолютно, пугающе трезв.

— Лили, послушай меня, — Джек потянулся к её руке, движимый инстинктом защитить своё дитя, но она резко отдернула её, словно его прикосновение было ядовитым пауком.

— Не трогай меня!

Джек убрал руку и сжал её в кулак так, что ногти впились в ладонь, оставив полумесяцы боли. Боль была реальной. Хороший знак.

— Хорошо. Не буду трогать. Но просто... просто посмотри на меня. Я знаю, что я облажался. Я знаю, что я был плохим отцом и ужасным мужем для твоей мамы. Я всё это знаю. Но сейчас... сейчас я единственный, кто понимает, что происходит в этом чертовом городе!

Он встал, дрожа от бессилия и злости, и направился к старому сараю для инструментов, который стоял у забора, покосившись набок, как пьяница. Ржавый навесной замок поддался не сразу — Джек дергал его с такой слепой яростью, что чуть не вырвал петли вместе с деревом. Наконец дужка выскочила из скобы с жалобным визгом (скрип он помнил, но не слышал). Он распахнул скрипучую дверь и начал рыться в хламе, накопленном за десятилетия.

Лили наблюдала за ним со своего насеста со смесью усталого любопытства и безразличности.

— Что ты там ищешь? Свою потерянную совесть?

Джек выпрямился, держа в руках старую катушечную магнитолу «Akai» и моток пыльного провода. Это была рухлядь из 80-х, монумент ушедшей эпохи, который он притащил сюда после закрытия радиостанции «WZED», когда цифровые технологии сожрали аналоговый мир.

— Нет. Доказательство.

Он вернулся к крыльцу и поставил тяжелый металлический ящик на бетонную ступеньку ровно между ними. Это был жест перемирия, создание нейтральной полосы из металла и пластика.

— Помнишь эту штуку? — спросил он, подключая провод к динамику.

Лили равнодушно пожала плечами:

— Старая рухлядь из твоего сарая.

— Это профессиональный рекордер с направленным микрофоном-пушкой, — поправил Джек, устанавливая массивный микрофон на штатив и направляя его вниз, в узкую щель между досками крыльца — туда, откуда, как ему казалось, доносился стук кирки. — Он умеет отделять нужный звук от фонового шума лучше любого цифрового дерьма. У него есть душа.

Он нажал кнопку «Запись». Катушки медленно, с ленивым достоинством начали вращаться.

В мире стояла абсолютная, звенящая в костях тишина. Ни пения птиц, ни гула далеких машин, ни шелеста листвы. Только мерное гудение работающего мотора магнитофона — единственный живой звук в радиусе мили, пульсирующее сердце их маленького островка реальности.

Прошла минута. Две. Запись шипела белым шумом.

Лили начала терять терпение:

— Ну и? Ты записал тишину? Поздравляю, папочка, ты гений. Твоя теория блестяще подтвердилась.

Джек не ответил. Он напряженно вслушивался в свои наушники, подключенные к выходу рекордера. Его лицо было бледным как мел, а кожа натянулась на скулах. Он видел, как медленно крутятся катушки, наматывая пустоту этого нового мира на коричневую пленку, словно выпуская кишки тишины.

А потом он услышал это через микрофон так чётко, словно источник звука находился прямо у него в черепной коробке.

Клак-клак-клак...

Стук кирки о неподатливый гранит. Монотонный, неумолимый, рабочий ритм ада.

Уиииии...

Протяжный, мучительный скрип несмазанного вагонеточного колеса где-то глубоко внизу, пробирающий до самого нутра.

Помогите... Кто-нибудь...

Хриплый мужской голос, полный отчаяния и пыли, идущий из глубины шахты.

Джек нажал кнопку «Стоп». Катушки замерли. Он снял наушники дрожащими руками, которые вдруг стали чужими, и посмотрел на Лили. В его глазах был первобытный страх, но теперь к нему примешивалась отчаянная, безумная надежда.

Он перемотал пленку назад и нажал «Play» уже через встроенный динамик магнитолы.

Сначала был только шум ленты — тихое, уютное шипение белого шума.

А затем из динамика раздался звук:

Клак-клак-клак...

Лили вздрогнула всем телом, будто её ударило током. Она перестала дышать. Её глаза расширились от ужаса и неверия, став огромными, как блюдца. Звук был глухим, металлическим и абсолютно реальным. Он доносился не из-под пола — он шёл из динамика старого магнитофона.

Уиииии...

Скрип колеса заставил её побледнеть ещё сильнее, превращая кожу в восковую маску.

Джек остановил запись. В наступившей (уже привычной) тишине они смотрели друг на друга через железный ящик магнитолы. Пропасть между ними исчезла, смытая волной общего кошмара.

— Что... что это? — прошептала Лили. В её голосе больше не было сарказма или презрения. Только первобытный ужас ребёнка, который узнал, что монстры под кроватью действительно существуют и они очень голодны.

Джек сел рядом с ней на крыльцо. На этот раз она не отодвинулась. Он пах старым деревом, табаком и отчаянием.

— Это то, что убило город сорок лет назад, — тихо сказал он, глядя на свои руки. — То, что они замуровали в шахте под нами. Оно спало все эти годы, питаясь эхом наших жизней. А теперь оно проснулось от голода... и оно пожирает звук нашего мира, чтобы стать сильнее.

Он посмотрел дочери прямо в глаза — впервые за долгое время по-настоящему посмотрел, а не прятал взгляд от стыда.

— И оно знает нас с тобой по именам, Лили. Оно звало тебя сегодня утром своим плачем?

Она молча кивнула, боясь произнести хоть слово и разрушить хрупкую реальность этого момента примирения перед лицом общего ужаса.

Джек обнял её за плечи и прижал к себе. Она не сопротивлялась. Напротив, она прильнула к нему, ища защиты, которой он так долго её лишал. Она дрожала всем телом.

— Я не знаю, что это такое и как его остановить, — признался он честно, вдыхая запах её волос. — Но я клянусь тебе могилой твоей матери: я сделаю всё, чтобы защитить тебя от этого дерьма. Слышишь? Всё.

Лили уткнулась лицом ему в плечо и наконец заплакала — беззвучно, сотрясаясь от рыданий в этой ватной тишине нового мира. Джек гладил её по волосам и смотрел на мертвый лес за забором.

Он знал одно: прятаться больше нельзя. Если эта тварь знает их имена...

Значит, скоро она придет за ними сама.

Они вышли из дома через полчаса. Лили умылась, пытаясь скрыть следы слез, но глаза всё равно были красными и испуганными. Она прижимала к груди старый кассетный плеер Джека, словно это был защитный амулет. Джек нес на плече магнитолау «Akai» и моток кабеля. Тяжелый направленный микрофон-пушку он держал в руке, как оружие.

Город Рэд-Хилл выглядел так, будто его поставили на паузу.

На главной улице стояла патрульная машина шерифа с распахнутыми дверями. Рядом, прислонившись к капоту, стоял сам Хэнк Мэлоун. Огромный, похожий на медведя мужчина, который раньше решал все проблемы одним своим видом, сейчас выглядел потерянным ребенком. Он смотрел на свои руки, шевелил пальцами перед лицом, а потом хлопал в ладоши прямо у себя перед носом. Звук отсутствовал. Шериф пытался вернуть себе реальность, но реальность украли.

— Пап... — прошептала Лили, сжимая руку отца. Её голос дрожал. — Смотри.

Из-за угла бакалейной лавки показался мистер Паттерсон, владелец единственного в городе магазина запчастей. Он шел странной, дерганой походкой. Его лицо было лишено всякого выражения, глаза смотрели в пустоту. Но самое жуткое было не в этом. В руках он держал разводной ключ, которым методично бил себя по лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.